

больших государствах необходима для устойчивости правительства. И действительно, правительству, имеющему в своем распоряжении средства общественного принуждения, нечего опасаться отдельных личностей, пока последние не могут собрать вокруг себя достаточного числа людей, чтобы оказать сопротивление, равное правительственной полиции и войскам, или же пока они не будут в состоянии лишить правительство той силы, которой оно располагает. Нетрудно убедиться в том, что религиозные мнения, которые, вследствие отсутствия веротерпимости, соединяют людей в меньшее число групп, одни только способны дать отдельным личностям эту опасную власть.

Веротерпимость же, напротив, не может производить никаких смут и отнимает всякий предлог к волнениям. Она естественным образом разъединяет мнения: в стране, разделенной на множество сект, ни одна не может претендовать на господство, и потому все они остаются спокойными.

* * *

Некоторые уверяют, что так как свобода мысли является естественным следствием терпимости и ведет к уничтожению морали, то нетерпимость необходима для счастья людей. Но это клевета на человеческую природу. Неужели же люди, как только начнут рассуждать, сделаются подлецами? Неужели же добродетель, честность основываются только на софизмах, которые исчезнут, как только люди получат свободу критиковать их?

Мнение это опровергается фактами. Среди людей, совершающих преступления, встречается гораздо более людей верующих, нежели свободомыслящих, и мы отнюдь не должны смешивать свободное мышление — результат работы ума, с безнравственными правилами, проповедуемыми подонками общества во всех странах. Эти правила — плоды грубых инстинктов, а не разума, с ними можно бороться и уничтожить их только разумом.

Если вы хотите, чтобы люди любили добродетель и были добродетельными, так предпочитайте людей, желающих сделать своих ближних разумными, лицам, старающимся прибавить новые заблуждения к заблуждениям, в которые люди могут быть вовлечены их инстинктами. Люди, верующие, что религия, исповедуемая ими, истинна, должны стремиться к веротерпимости: во-первых, чтобы иметь право на терпимость по отношению к себе в странах, где религия их не имеет преобладающего значения, а затем для того, чтобы их религия могла подчинить себе все умы. Каждый раз, как люди пользуются свободой защищать свои идеи, истина всегда торжествует. Смотрите, что с того недавнего времени, как позволено рассуждать о колдовстве, это столь распространенное с древнейших времен заблуждение почти совершенно исчезло. Неужели вы думаете, что необходимы палачи, убийцы для того, чтобы люди перестали верить в ложных богов и духов?

Но вот, хотя природа, разум, политика, истинное благочестие побуждают к веротерпимости, все же есть люди, которые стремятся к преследованию, и если более просвещенные, более гуманные правительства и не отдадут им на жертву людей, то в их распоряжение предоставляют книги и, под страхом тяжкого наказания, стесняют свободу печатного слова.

Что же из этого получается? В тайных изданиях свобода доходит до разнузданности, и если в этих книгах провозглашаются опасные принципы, то ни один нравственный и честный человек не захочет, — если только имя автора пользуется дурной славой, — опровергать их, чтобы не скомпрометировать этим самого себя. Следовательно, мерами подавления достигается только то, что защитниками этих книг являются люди презираемые.

Иногда также весьма почтенные корпорации громко требуют, чтобы не допускались в государство книги, в которых опровергаются их мнения. Они, вероятно, не знают, что две эти фразы: «Прошу вас воспользоваться вашим влиянием,